
АНТРОПОЛОГИЯ ДОБРА И ЗЛА

УДК 347.782

DOI: 10.31249/hoc/2023.03.12

*Андреева Г.Н.**

ИДЕИ ДОБРА И ЗЛА В КОНСТИТУЦИЯХ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о том, каким образом идеи добра и зла получают отражение в конституциях. Отмечено, какие философские, религиозные, культурологические подходы к этим понятиям используются в конституционных текстах. Особое внимание уделено конституционным характеристикам в контексте идей добра и зла самой национальной конституции. Показана эволюция конституционного отражения идей добра и зла на примере положений о свободе и рабстве. В заключение делается вывод о существовании объективной потребности науки и практики в детальном исследовании этой темы.

Ключевые слова: добро; зло; Бог; созидание; разрушение; конституция; государство в конституции; принцип личной свободы; рабство.

Получена: 26.04.2023

Принята к печати: 25.05.2023

Для цитирования: Андреева Г.Н. Идеи добра и зла в конституциях // Вестник культурологии. – 2023. – № 3(106). – С. 192–210. – DOI: 10.31249/hoc/2023.03.12

* *Андреева Галина Николаевна* – кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия; galinaandr@rambler.ru

Andreeva Galina Nikolaevna – PhD in Law, Docent, Leading Researcher of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; galinaandr@rambler.ru

Andreeva G.N.

Ideas of good and evil in constitutions

Abstract. The article discusses how the ideas of good and evil are reflected in constitutions. It was noted what philosophical religious, cultural approaches to these concepts are used in constitutional texts. Particular attention is paid to constitutional characteristics in the context of the ideas of good and evil of the national constitution itself. The evolution of the constitutional reflection of the ideas of the good and evil is shown using the example of the provisions on freedom and slavery. The summary concludes that there is an objective need for science and practice in a detailed study of this topic.

Keywords: good; evil; God; creation; destruction; constitution; state in constitution; principle of personal freedom; slavery.

Received: 26.04.2023

Accepted: 25.05.2023

For quoting: Andreeva G.N. Ideas of good and evil in constitutions // Bulletin of Cultural Studies. – 2023. – № 3(106). – P. 192–210. DOI: 10.31249/hoc/2023.03.12

Идеи добра и зла служат составными частями понятийного аппарата религии, философии, политологии, культурологии и некоторых других наук.

Религиозное понимание добра базируется на представлении, что Бог – это абсолютное добро. Соответственно, отсылка в конституции к Богу считается конституционным законодателем и воспринимается населением в качестве очевидного проявления стремления к добру. Однако за этой внешней простотой таится множество вопросов, которые не одно столетие пытаются разрешить теософы: почему Бог, будучи абсолютным добром, допустил существование зла (этому посвящены многочисленные труды в рамках теодицеи), как правильно толковать и понимать Заповеди и другие религиозные источники, каков путь избавления личности и общества от зла (в религиозном смысле – от греховности) и т.д. Поскольку «в христианском учении этика тесно переплетена с метафизикой, нормативно-аксиологическая проблема-

тика уходит корнями в область сверхчувственного, духовного мира» [Сабинов, 2001, с. 125], реальное содержание отсылки к Богу в конституционных актах гораздо глубже и сложнее первого впечатления. В исламе для действительно полного контекстного понимания конституционных норм, раскрывающих конституционно-правовое понятие добра и зла, необходимо учитывать, какой именно мазхаб господствует в данной правовой системе, какой образец поведения избран в качестве эталона.

В философии понятия добра и зла обстоятельно исследуются с периода Античности. При этом представители одних школ видели в этих понятиях рациональное начало и ассоциировали добро с благом, полезностью и справедливостью, т.е. с абсолютными характеристиками (Сократ, Платон), другие относили их к моральным нормам, по своей природе носящим произвольный характер и обнаруживающимся только в отношениях между людьми (софисты). Новые грани в философскую трактовку добра и зла внесли философы Нового времени. Б. Спиноза выдвинул идею о субъективном характере понятий добра и зла, просветители XVIII в. провозгласили интересы человеческой личности основным критерием различения добра и зла, И. Кантом обосновывалась производность добра от долга в рамках категорического императива. К данной проблематике обращалось и множество других философов, например, Ф. Ницше, стремившийся исследовать проблему «по ту сторону добра и зла» [Ницше, 2017]. В результате сформировался целый комплекс разнородных философских идей, позволяющих по-разному трактовать добро и зло в зависимости от избранного философского направления. Современные научно-философские представления о добре и зле тяготеют к отказу от логических схем и однозначных определений, что выражается в следующих формулах: «Добро понятийно неопределимо, оно постигается интуитивно» (Дж. Мур) и как вариант: добро может быть рационально понято как «телеология ценностей в реальном мире» (Н. Гартман) [Краткий философский словарь, 2023, с. 99]. Такая неопределенность понятий создает сложности практического восприятия теории, что вызывает, в частности, следующие критические суждения: «В этике имеется концептуальный беспорядок и путаница: ее ключевые термины (добро, счастье, смысл жизни, ценность, совесть и др.) многозначны, и, по-видимому, еще не стали научными понятиями» [Дубко, 2001, с. 62]. Вместе с тем, как

будет показано далее, для конституционного законодателя это открывает большой простор для позитивных политических высказываний в преамбулах конституций в духе воплощения в конституции идей добра.

В политологии для исследователей важно выяснить, в какой степени различия в представлениях о добре и зле детерминируют поведение политических групп, и насколько они могут способствовать или препятствовать возникновению политических конфликтов [Айрапетов, 2017, с. 24–26].

Культурологов интересует сравнение представлений о добре и зле в разных культурах, у разных социальных групп, в разные исторические эпохи, а также обычаи и ритуалы, связанные с культурой добра и зла. Это позволяет выявить культурно обусловленный компонент представлений о добре и зле, показать амбивалентность и изменчивость этих представлений: то, что является добром для одного сообщества (этноса, народа, социальной группы), может быть злом в глазах другого сообщества [Флиер, 2015; Флиер, 2023].

Идеи добра и зла являются важными бинарными концептами, пронизывающими правовое пространство как явным, так и неявным образом. В связи с этим юристы также активно интересуются проблемами добра и зла, прежде всего, с прагматической целью: урегулирования правом человеческого поведения наиболее оптимальным образом. В дореволюционной российской философии права активно развивалась идея о праве как форме воплощения добра (В.С. Соловьев). Современные юристы дискутируют по целому ряду вопросов, высказывая диаметрально противоположные точки зрения: можно ли отнести добро к числу правовых ценностей или это только моральная категория; являются ли универсальные ценности правовыми по своей природе; может ли добро считаться правовой целью, и если да, то какое место оно занимает в системе правовых целей; каковы возможности использования понятий добра и зла для квалификации таких нормативно предусмотренных категорий, как добросовестность и недобросовестность, злоупотребление правами и др. [Триш, 2016, с. 86–97].

Эти универсальные понятия неизбежно присутствуют в структурах и содержании конституций. Если говорить об использовании терминов «добро» и «зло», то они встречаются в «чистом виде» редко. Один из немногочисленных примеров такого рода – преамбула Кон-

ституции Бахрейна 2002 г., в которой говорится о «стремлении ко всему, что помогает достичь справедливости, добра и мира для всего Человечества» [Конституции государств Азии, 2010, т. 1, с. 23]. Противоположность добра в сатанинской ипостаси упоминается в Конституции Ирана 1979 г., в преамбуле которой говорится о том, что в процессе Исламской революции произошло очищение «от сатанинской пыли и ржавчины» [там же, с. 237].

Гораздо чаще в конституциях термины «добро» и «зло» встречаются в сложносоставных словах «добросовестность» и «злоупотребление», причем и то и другое используются применительно как к должностным лицам, так и к гражданам. Должностные лица должны добросовестно исполнять свои обязанности и не злоупотреблять ими, аналогичным образом должны поступать граждане.

Однако помимо прямого использования терминов «добро» и «зло» в конституциях содержатся многочисленные положения, в которых эти понятия выражены синонимично.

В конституциях значительного числа государств в соответствии с национальными традициями и господствующими культурными представлениями идеи добра выражены через обращение к идее Бога, который очевидным образом выступает для конституционного законодателя воплощением Добра. «Во имя Всемогущего Бога» провозглашают свою Конституцию 1999 г. народ и кантоны Швейцарии [Bundesverfassung der Schweizerischen Eidgenossenschaft ... , 1999]. Во имя Святой, Единосущной и Нераздельной Троицы приняли представители греческого народа Конституцию 1975 г. В преамбуле Конституции Бангладеш 1972 г. говорится о том, что народ страны принял ее «во имя Аллаха Всемилоственного и Милосердного» и «давая торжественную клятву в том, что в основу настоящей Конституции будут положены высокие идеалы беспрекословного доверия Всемогущему Аллаху и веры в него» [Конституции государств Азии, 2010, т. 2, с. 54]. Значимость духовных ценностей буддизма подчеркивается в преамбуле Конституции Бутана 2008 г., в которой говорится о «Тройственной драгоценности Божественной защиты», охраняющей народ Бутана [там же, с. 134]. В Конституции государства Антигуа и Барбуда 1981 г. его народ объявляется нацией, основанной на признании верховенства Бога [Конституции государств Америки, 2006, т. 2, с. 7]. Народ Кении через своих представителей принял Конституцию Кении

2010 г. «признавая верховенство Всемогущего Бога над своим творением» [The Constitution of Kenya, 2010]. Эти и другие аналогичные положения призваны свидетельствовать об увековечении в конституции следования народом идее Божественного добра. Соответственно, у юристов такого рода положения неизбежно вызывают вопросы об их юридическом значении, т.е. возможности ссылки на них при решении судами конкретных дел и при решении органами конституционного контроля вопросов конституционности законов и других нормативных актов государства, о чем будет подробнее сказано далее в связи с содержанием преамбул как таковых.

Размытость и нечеткость философского толкования понятий добра и зла позволяет включать в конституции (главным образом в преамбулы) самые разнообразные положения, говорящие о созидании, благе, справедливости, человечности, уважении достоинства личности и другие, ассоциирующиеся с добром. Конституционный законодатель ориентируется на широкое философское понимание добра и зла, согласно которому «добро и зло – категории этики и идеи морали, выражающие в предельно обобщенном виде должное (нравственную ценность) и недолжное (нравственную антиценность). Добро есть высшее благо как конечная цель, а также восходящая к ней пирамида промежуточных целей, к достижению которых человек обязан стремиться. Зло – ценностно-противоположная цель» [Краткий философский словарь, 2023, с. 98]. Добро также может рассматриваться «как воздействие жизнеутверждающее, то есть несущее людям благополучие не в ущерб кому-либо, а зло... как воздействие жизнеотрицающее, то есть несущее людям неблагополучие, в том числе такое, которое лишает их жизни» [Блох, 2018, с. 254]. В этом плане под утверждаемые конституциями ценности «добра» подпадает множество конституционных принципов, целей и ценностей. Так, например, согласно преамбуле Конституции Испании 1978 г. испанский народ утвердил Конституцию, «желая содействовать справедливости, свободе и безопасности, а также обеспечить благополучие всех, кто ее составляет», стремясь «гарантировать демократическое совместное существование в соответствии с Конституцией и законами на основе справедливого экономического строя; установить правовое государство, обеспечивающее верховенство закона как выражение воли народа; обеспечить всем испанцам и народам Испании осуществление прав человека, а

также развитие их культуры и традиций, языков и институтов; способствовать развитию культуры и экономики в целях обеспечения всем достойного уровня жизни; построить передовое демократическое общество и содействовать делу укрепления мирных отношений и эффективного сотрудничества между всеми народами Земли» [Конституции государств Европы, 2001, т. 2, с. 50]. В преамбуле Конституции Гондураса 1982 г. указываются такие цели создания конституции, как укрепление и увековечение правового государства, гарантирующего существование социально справедливого политического и экономического общества, «обеспечение всесторонней реализации человека как человеческой личности в условиях справедливости, свободы, безопасности, стабильности, мира, представительной демократии и всеобщего благоденствия» [Constitución de la República de Honduras]. В преамбуле Конституции Ирака 2004 г. указывается, что народ Ирака разработал Конституцию исходя из ценностей и идеалов небесных посланий и с учетом достижений науки и человеческой цивилизации [Конституции государств Азии, 2010, т. 1, с. 192]. Подобного рода идеи варьируются во множестве конституций. Перечень благ, которые выносятся на конституционный уровень, весьма обширен. Исследовавший этот вопрос на примере конституций стран Латинской Америки Орландо Пардо Мартинес включил в него такие цивилизационные блага / ценности, свойственные правовому социальному государству, как права, свободы, уважение личности, солидарность, общее благо, национальное единство, образование, культура, здоровье, счастье, безопасность, развитие, интернационализация и целый ряд других, входящих в преамбулы конституций указанных стран [Martínez, 2018, p. 144–156]. Этот перечень применительно к конкретным национальным конституциям может быть расширен или сужен в зависимости от содержания преамбулы.

Поскольку речь идет о положениях, содержащих ценности и цели установления справедливого, воплощающего добро, конституционного правопорядка, которые содержатся в преамбулах конституций, их значение для правовой системы в целом и других положений конституции определяется отношением органа конституционного контроля и законодателя к преамбуле. Нормы современных конституций, содержащиеся в их главах / разделах основного текста, как правило (за исключением социалистических конституций), являются непосред-

ственно действующим правом. Это означает, что они применяются непосредственно, независимо от наличия детализирующих их норм, а при наличии последних и их противоречии букве или духу конституционной нормы объявляются неконституционными. Что же касается преамбулы, то здесь даже относительного однообразия в их трактовке не наблюдается. Возвышенный стиль формулировок преамбул, отличающийся от основного стиля формулировок статей в конституции, способствуют тому, чтобы исследователи и судьи трактовали их как публичные прокламации, «политический канон, вдохновляющий политико-правовой порядок», «сборник связанных политических высказываний различного характера, аксиологического, философского, мифологического, исторического, культурного» [Martínez, 2018, p. 157], но не содержащий правовых норм. Анализ научных дискуссий и практики различных стран показывает существование диаметрально противоположных мнений, а также разнообразие судебной практики от полного отрицания правовой природы преамбул до ее признания. Это предопределяется целым рядом факторов, в том числе характером правовой культуры в государстве, однако два фактора можно считать основными, это особенности формулировок преамбулы конкретной национальной конституции и степень готовности законодателя и судебных органов переводить абстрактные понятия, включенные в преамбулу, в практические указания, относящиеся к законодательству, и решения по конкретным делам.

В США, например, преамбула Конституции 1787 г. в доктрине используется для аргументации различных позиций, но при этом ее положения, по мнению Верховного суда США, не носят нормативного характера. Хотя в преамбуле отцами-законодателями были изложены пять целей (установление справедливости, обеспечение внутреннего спокойствия, обеспечение совместной обороны, содействие всеобщему благоденствию, обеспечение благ свободы для себя и потомков), достижение которых поставлено в качестве ориентира для народа Соединенных Штатов и, соответственно, рассматривается как благо и добро. Верховный суд в своих решениях использовал ссылки на преамбулу для того, чтобы подтвердить или усилить свое толкование других положений конституции США, но при этом, как отмечается в комментариях, подготовленном Исследовательской службой Конгресса США, «не похоже, чтобы Суд когда-либо придавал какое-либо юри-

дическое значение преамбуле» [Preamble: Doctrine and Practice ...]. Эта позиция отражена и на сайте судов США, где подчеркивается, что преамбула ясно передает намерения составителей и цели создания документа, представляя собой введение в высший закон страны, «но это не право», поскольку она не определяет полномочия правительства или права личности [The U.S. Constitution preamble ...].

Однозначно отрицательно по поводу нормативности приведенной ранее преамбулы Конституции Испании высказался в своем решении 150/1990 г. и Конституционный суд Испании, подчеркнув, что «преамбулы или изложение причин законов не имеют нормативной ценности и не могут быть предметом обжалования как неконституционные» [цит. по: Martínez, 2018, p. 147–148].

Более гибкую позицию по вопросу о природе преамбулы Конституции Индии, содержащей целеуказания, отражающие культурные традиции страны в понимании правовой защиты и реализации идей добра и блага, занимает Верховный суд Индии. Некоторое время он ориентировался на позицию Верховного суда США по этому вопросу (например, в решении *Re Berubari Union Case*, 1960), но впоследствии оно было отменено, и Верховный суд стал исходить из более глубокого анализа преамбулы Конституции Индии и установил, что в преамбуле содержатся «основные структурные элементы Конституции», которые не могут быть изменены согласно ст. 368 Конституции Индии, что означало придание положениям преамбулы фундаментального значения, определяющего интерпретацию остальных норм Конституции Индии [Mishra, 2021]. Так, принимая решение по вопросам, касающимся принципа равенства, установленного в преамбуле, как основного для Индии, в деле *Кешавананда Бхарти Шрипадагалвару против штата Керала* 1973 г. (*Keshavananda Bharti Sripadagalvaruvs. State Kerala*, 1973) Верховный суд Индии подчеркнул, что преамбула Конституции имеет большое значение и отражает весь документ в одном абзаце [ibid., 2021]. Отражая в художественной литературной форме эту позицию Верховного суда Индии, индийский конституционалист А. Мишра отметила, что «если бы Конституция была фильмом, то преамбула была бы трейлером» [ibid., 2021].

Однозначная позиция в пользу нормативного характера преамбулы выражена в современной доктрине Колумбии. Длительное время в этой стране господствовали доктрина и соответствующая ей практика,

согласно которым преамбула конституции рассматривалась как демонстрация доброй воли конституционного законодателя, не имеющая обязывающей силы. В отношении Конституции Колумбии 1991 г. эта практика была кардинально изменена решением С-479 Верховного суда Колумбии, в котором Суд указал, что хотя преамбула не является нормой права, она более чем правовая норма: «Преамбула придает смысл конституционным предписаниям и обращает внимание государства на цели, к которым оно должно стремиться... Преамбула обладает обязательной силой как основа порядка, установленного Хартией, поэтому любая норма, будь то законодательная или аналогичная норма иного уровня, которая игнорирует или нарушает любую из целей, указанных в ней, наносит ущерб Конституции, поскольку предаёт ее принципы» [цит. по: Hernández Galindo, 2016].

Таким образом, в разных государствах вопрос о нормативной природе конституционных положений преамбул как ценностных основ правовой системы, соответствующей традициям и укорененным в культуре страны представлениям о добре и зле, и о «переводе» положений преамбул на уровень текущего законодательства решается по-разному и не всегда в пользу строго юридического их истолкования. Вместе с тем следует отметить, что и не будучи привязанными в правовом отношении к преамбулам, многие положения, содержащиеся в основном тексте конституций, урегулированы в рамках дихотомии добро – зло, поскольку в конституции включена модель правового регулирования, рассматриваемая как положительная, образцовая, приносящая благие результаты для общества и каждого человека, и одновременно нередко в конституции прямо указано, что является нежелательным, т.е. злом, по мнению законодателя. Так, например, применительно к правовому статусу государства в конституциях содержится его позитивная характеристика как правового, конституционного, демократического, социального и т.д. Однако эта позитивная характеристика сопровождается целым рядом механизмов, призванных не допустить перерождение такого государства в свою противоположность – некоего монстра, олицетворяющего зло. Известный конституционалист А. Шайо отметил, что «конституция вызывает такое ощущение, что будто граждане больше всего боятся именно государства, своего защитника и свое творение. Текст и история конституций, эта археология людских страхов, показывает, что за недоверчивостью по отно-

шению к государству скрывается главный страх, страх перед естественными стихиями» [Шайо, 2001, с. 33]. Действительно, при создании современного конституционного государства конституционный законодатель во многом стремился преодолеть недостатки средневековой абсолютной монархии со свойственным ей всевластием в отношении подданных и отсутствием у них личной свободы. Деспотия как форма правления воспринималась философами и просветителями как нечто монструозное, как Левиафан, по меткому выражению Т. Гоббса, или, как его охарактеризовал А.Н. Радищев, «чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайя» (о культурологической истории этого выражения см.: [Душенко, 2005, с. 278]). Создавая новую государственность, конституционный законодатель стремился обуздать эту темную сторону государства, подчинив его интересам всего общества и поставив под его контроль. Так, уже в первые конституции был включен механизм разделения властей на три ветви: законодательную, исполнительную и судебную (в США в виде системы сдержек и противовесов) и специальные конституционные механизмы, которые не позволяли одной ветви власти узурпировать полномочия других. Совершенствование в этом плане системы организации государственной власти происходит непрерывно: возникли специализированные органы конституционного контроля, обеспечивающие оценку актов органов государственной власти с точки зрения их конституционности; появились специализированные органы по правам человека – институт уполномоченных по правам человека, органы финансового контроля, проверяющие деятельность государственных органов на коррупциогенность и т.д. Эти формы противостояния административному злу призваны предотвратить вырождение конституционного государства.

Для того чтобы современное государство воплощало идеалы конституции, оно должно обладать рядом характеристик, которые прямо перечисляются во многих конституциях: государство объявляется правовым, демократическим, социальным. Кроме того, в качестве одной из характеристик государств в современных условиях выступает их приверженность идеям мира и отказа от агрессивных войн. Хотя международные отношения находятся в сфере регулирования не конституционного, а международного права, которое объявляет агрессию против другого государства преступлением со всеми вытекающими

последствиями, современные конституции включают принципы мирного существования, что воплощает современные представления о следовании благу в международных отношениях. Так, согласно ст. 9 Конституции Японии 1947 г. «искренне стремясь к международному миру, основанному на справедливости и порядке, японский народ на вечные времена отказался от войны как суверенного права нации и от угрозы или применения вооруженной силы как средства разрешения международных споров. Для достижения цели, указанной в предыдущем абзаце, никогда впредь не будут создаваться сухопутные, морские и военно-воздушные силы, равно как и другие средства войны. Право на ведение войны государством не признается» [The Constitution of Japan ...]. Конституция Коста-Рики 1949 г. отменила постоянную армию, оставив в качестве единственного вооруженного формирования полицию (ст. 12). Статья 5 Конституции Эквадора 2008 г. объявила страну территорией мира, на которой запрещено создание иностранных военных баз и иностранных объектов для военных целей. Приверженность в целом идее мира и пацифизму выражена в конституциях Кубы, Чили, Перу, Коста-Рики и других стран в разных вариантах.

Помимо преамбул, положения, которые относятся к регулированию отношений, сопряженных с использованием категории «добро – зло», можно вычленил в остальных главах / разделах конституции, особенно применительно к правам человека и гражданина, полномочиям и ответственности государственных органов и должностных лиц, последствиям конституционных правонарушений. Включенная в конституции система конституционных обязанностей и запретов нацелена на предотвращение отступления от конституционных требований, что может рассматриваться как предотвращение зла в правовом и морально-этическом аспектах.

Содержательно практически любой аспект правового регулирования общественных отношений можно оценивать в данных категориях. Поскольку в данном случае речь идет уже о конкретных статьях конституции, они становятся предметом судебного рассмотрения и выступают как непосредственно действующее право, ограниченное определенными рамками.

В научной литературе справедливо отмечается, что добро и зло являются оценочными характеристиками действий цивилизационно и

исторически изменчивыми: то, что в одной цивилизации и одном историческом периоде оценивается в качестве добра, в другой цивилизации и другом историческом периоде признается злом, и наоборот [Блох, 2018, с. 254]. Это можно проследить и применительно к конституционным характеристикам того, что в настоящее время рассматривается как несомненная ценность, воплощающая добро.

Одной из первых идей современного конституционализма стала идея свободы человека. Французская Декларация прав человека и гражданина 1789 г. (являющаяся до сих пор частью действующего французского конституционного права) провозгласила: «Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах» [Конституции государств Европы, 2001, т. 3, с. 433]. Статья 2 этого акта отнесла свободу к естественным и неотъемлемым правам человека, а ст. 4 определяла: «Свобода состоит в возможности делать то, что не приносит вреда другому» [там же, с. 433]. В отношении прав человека и гражданина одним из центральных понятий является понятие «свобода». Личная свобода провозглашается в конституциях большинства государств (за исключением социалистических, в которых доминируют коллективные права и социалистические коллективистские ценности). Так, согласно ст. 60 Конституции Гондураса 1982 г. «все люди рождаются свободными» [Конституции государств Америки, 2006, т. 1, с. 249], ст. 22 Конституции Хорватии 1990 г. утверждает неприкосновенность свободы, § 2 Формы правления Швеции 1974 г. гарантирует уважение к свободе и достоинству каждого человека. Такого рода положения о свободе варьируются, но суть их состоит в установлении принципа свободы как фундаментального конституционного принципа, на котором базируется современная государственность и права человека. Вместе с тем идеалы свободы как конституционный принцип и личная свобода как индивидуальное право в конституциях стран, где долгое время существовало рабство, противопоставляются рабству как очевидному злу, поскольку в большей или меньшей степени негативные последствия рабства ощущаются в этих странах до сих пор. Запрещающие его нормы включены в конституции как способ искоренить, устранить явление, представляющее собой нечто, прямо противоположное свободе человека. Например, в преамбуле Конституции государства Антигуа и Барбуда 1981 г. говорится об «обществе свободных мужчин и женщин и свободных институтов» [Конституции

государств Америки, 2006, т. 2, с. 7], а в ст. 6 этой Конституции установлена защита от рабства: «Никто не может содержаться в рабстве или неволе» [Конституции государств Америки, 2006, т. 2, с. 10]. Право на свободу детально урегулировано в ст. 66 Конституции Эквадора 2008 г., при этом п. 29b содержит положение о запрете рабства. Аналогичное регулирование содержится в конституциях Аргентины, Коста-Рики, Кот д'Ивуара и некоторых других.

Следует отметить, что рабство на протяжении длительного периода в истории человечества рассматривалось как естественное явление, а не как зло, что отражалось и в праве. Рабы были имуществом для их хозяев, и владение таковыми было частью имущественных прав рабовладельцев. В преамбуле Невольничьего кодекса 1661 г., принятого на Барбадосе (*An Act for the better ordering and governing of Negroes, 1661*), устанавливающего статус рабов (и жестокие наказания для них) в этой английской колонии, указывалось, что целью данного акта было защитить рабов «как мы защищаем другое человеческое и движимое имущество». [*An Act for the better ordering ...*]. Таким образом речь шла об одном из видов имущества, а не о человеческих существах как таковых. В ст. 44 печально знаменитого французского Черного кодекса 1685 г. (*Code noir on requieild'edits, declaration et arrest, concernant la discipline le commerco des esclavesnègres des Isles françaises del'Amerique de mars 1685*) также устанавливалось, что «рабы являются движимым имуществом» [*Le Code noir Recueil ...*].

В США на основе сложившейся практики и господствовавшего среди белого населения мировоззрения, не позволявшего белым признавать негров равными себе, даже после отмены рабства XIII и XIV поправками Конституции США в 1865 и 1868 гг., сложилась практика расовой сегрегации [Каловб, 2023, с. 9–15]. Оправдывавшая ее доктрина «разделенных, но равных» была объявлена неконституционной только в 1954 г. [там же, с. 11]. В настоящее время наступил новый период в понимании проблемы рабства, поскольку вопрос перешел в плоскость необходимости компенсации потомкам рабов нанесенного ущерба и причиненного рабам зла. В США и ряде стран Латинской Америки публикуются списки рабов, чтобы их потомки могли обоснованно обратиться за компенсацией. Хотя такого рода компенсационные меры не могут исправить саму ситуацию в силу того, что она относится к прошлому, но они являются жестом, показывающим рас-

каание общества за содеянное зло. Этот пример свидетельствует как об изменчивости представлений о добре и зле в ходе эволюции человеческого общества, так и о сложностях отказа от прежних представлений, необходимости поднятия этого отказа на конституционный уровень и дополнительных мер правовой защиты новых представлений, в том числе компенсационных.

Заключение

Анализ содержания современных конституций с точки зрения идей добра и зла свидетельствует о переходном характере современного конституционного регулирования. Это проявляется в том, что, с одной стороны, начиная с первых писанных конституций в них отражались высокие идеалы добра и нацеленность на создание общества, как минимум в большей степени соответствующего этим идеалам. С другой стороны, до сих пор далеко не во всех странах органы конституционного контроля готовы прямо опираться на эти идеалы, даже заявленные в преамбуле конституции. Развитие конституционализма идет в направлении воплощения идеалов добра при реализации конкретных правовых положений, но сами представления о том, что является добром в праве находятся в процессе становления. Конституции в этом должны играть направляющую роль для законодателя, насколько это происходит в конкретных странах, как представляется, должно быть предметом дальнейшего внимательного научного исследования во всех аспектах.

Список литературы

Айрапетов Е.А. Дихотомия добра и зла: социальные и политические конфликты на основе различий в понимании данной дихотомии // Проблемы современной науки в исследованиях молодых ученых : сб. научн. трудов. – Уфа : Уфимский государственный нефтяной технический университет, 2017. – С. 24–26.

Блох М.Я. О понятиях добра и зла в системе библейско-философских категорий // Ипатьевский вестник. – 2018. – № 6(6). – С. 254–257.

Дубко Е.Л. Мораль как предрассудок // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. – 2001. – № 1. – С. 61–73.

Душенко К. Цитаты из русской истории от призвания варягов до наших дней. – Москва : Эксмо, 2005. – 624 с.

Каловб К.А. Расовая сегрегация в США: история и современность // Дипломатические чтения. Материалы научно-практической конференции. – Минск, 2023. – С. 9–15.

Конституции государств Азии : в 3 т. – Москва : НОРМА, 2010. – Т. 1 : Западная Азия. – 544 с. ; Т. 2 : Средняя Азия и Индостан. – 1024 с.;

Конституции государств Америки : в 3 т. – Москва : Институт законодательства и сравнительного правоведения : Норма, 2006. – Т. 1 : Северная и Центральная Америка. – 832 с. ; Т. 2 : Карибский регион. – 1088 с.

Конституции государств Европы : в 3 т. – Москва : НОРМА, 2001. – Т. 2. – 840 с. ; Т. 3. – 792 с.

Краткий философский словарь. – 2-е изд. – Москва : Блок-Принт, 2023. – 496 с.

Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего. – Москва : ЭКСМО-Пресс, 2017. – 160 с.

Сабиров В.Ш. Проблема добра и зла в христианской этике // Человек. – 2001. – № 5. – С. 125–135.

Триц П.Н. Понятие добра в правопонимании // Законность и правопорядок в современном обществе. – 2016. – № 32. – С. 86–97.

Флиер А.Я. Добро и зло в культурно-историческом понимании // Информационный портал Знание. Понимание. Умение. – 2015. – № 3. – URL: www.zpu-journal.ru/e-zpu/2015/3/Flier_Good-Evil/ (дата обращения: 29.04.2023).

Флиер А.Я. Культура зла // Культура культуры. – 2023. – № 2. – URL: <http://cult-cult.ru/the-culture-of-evil/> (дата обращения: 29.04.2023).

Шайо А. Самоограничение власти (Краткий курс конституционализма). – Москва : Юрист, 2001. – 292 с.

An Act for the better ordering and governing of Negroes, 1661 // Barbados Slave Code (1661–1667). – URL: <https://slaverylawpower.org/barbados-side-dy-side/> (date of application: 29.04.2023).

Bundesver fassung der Schweizerischen Eidgenossenschaft vom 18/April 1999. – URL: <https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/1999/404/de> (date of application: 29.04.2023).

Constitución de la República de Honduras. – URL: <https://www.tsc.gob.hn/leyes/177-constitucion-de-la-republica-de-honduras> (date of application: 29.04.2023).

Hernández Galindo J.G. Elpreambulo de la Constitución. 11 Mai 2016 // Website Lavoz del Derecho. – URL: <https://www.lavozdelderecho.com/index.php/opinion/item/4091-punto-de-referencia-el-preambulo-de-la-constitucion-por-jose-gregorio-hernandez-galindo/> (date of application: 29.04.2023).

Le Code noir Recueil d'édits, déclarations et arrêts concernant les esclaves nègres de l'Amérique de mars 1685. – URL: <https://www.axl.cefan.ulaval.ca/amsudant/guyanefr1685.htm> (date of application: 29.04.2023).

Martínez O.P. Metarrelatos políticos: los preambulos // Reflexión política. – 2018. – A. 20, N 23. – P. 144–171. – URL: <https://revistas.unab.edu.co/index.php/reflexion/article/view/3300/2968> (date of application: 29.04.2023).

Mishra A. Interpretation of the preamble of the Constitution with recent cases. March 29.2021. – URL: <https://thelawcommunicants.com/interpretation-of-the-preamble-of-the-constitution-with-recent-cases/> (date of application: 29.04.2023).

Preamble: Doctrine and Practice. Website Cornell Law School. – URL: <https://www.law.cornell.edu/constitution-conan/preamble-doctrine-and-practice> (date of application: 29.04.2023).

The Constitution of Kenya // Website Kenya Law. – 2010. – URL: www.kenyalaw.org/kl/index.php?id=398 (date of application: 29.04.2023).

The Constitution of Japan. Website Prime Minister of Japan and His Cabinet. – URL: https://japan.kantei.go.jp/constitution_and_government_of_japan/constitution_e.html (date of application: 29.04.2023).

The U.S. Constitution preamble // Website: United States courts. – URL: <https://uscourts.gov/about-federal-courts/educational-resources/about-educational-outreach/activity-resources/us> (date of application: 29.04.2023).

References

Ajrapetov, E.A. Dihotomiya dobra i zla: social'nye i politicheskie konflikty na osnove razlichij v ponimanii dannoj dihotomii [The dichotomy of good and evil: social and political conflicts based on differences in the understanding of this dichotomy]. In *Problemy sovremennoj nauki v issledovaniyah molodyh uchenyh. Sb. nauchn. trudov* [Problems of modern science in the research of young scientists. Collection of scientific works]. Ufa, Izdatel'stvo: Ufimskij gosudarstvennyj neftyanoy tekhnicheskij universitet Publ., 2017, pp. 24–26. (In Russ.)

Bloh, M.Ya. O ponyatiyah dobra i zla v sisteme biblejsko-filosofskih kategorij [On the concepts of good and evil in the system of Biblical and philosophical categories]. In *Ipat'evskij vestnik*, no. 6 (6), 2018, pp. 254–257. (In Russ.)

Dubko, E.L. Moral' kak predrassudok [Morality as a prejudice]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya*, no. 1, 2001, pp. 61–73. (In Russ.)

Dushenko, K. *Citaty iz russkoy istorii ot prizvaniya varyagov do nashih dnei* [Quotes from Russian history from the vocation of the Varangians to the present day]. Moscow, Eksmo Publ., 2005. 624 p. (In Russ.)

Kalovb, K.A. Rasovaya segregaciya v SShA: istoriya i sovremennost' [Racial segregation in the USA: History and modernity]. In *Diplomaticheskie chteniya. Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii* [Diplomatic Readings. Materials of the scientific and practical conference]. Minsk, 2023, pp. 9–15. (In Russ.)

Konstitucii gosudarstv Azii: v 3 t. [Constitutions of Asian States: in 3 volumes]. Moscow, NORMA Publ., 2010. T. 1. *Zapadnaya Aziya* [Vol. 1. Western Asia.], 544 p.; T. 2. *Srednyaya Aziya i Indostan* [Vol. 2. Central Asia and Hindustan], 1024 p. (In Russ.)

Konstitucii gosudarstv Ameriki: v 3 t. [Constitutions of the States of America: in 3 volumes]. Moscow, Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya, Norma Publ., 2006. T. 1. *Severnaya i Central'naya Amerika* [Vol. 1. North and Central America], 832 p.; T. 2. *Karibskij region* [Vol. 2. The Caribbean region], 1088 p. (In Russ.)

Konstitucii gosudarstv Evropy: v 3 t. [Constitutions of the states of Europe: in 3 volumes]. Moscow, NORMA Publ., 2001. T. 2 [Vol. 2]. 840 p.; T. 3 [Vol. 3]. 792 p. (In Russ.)

Kratkij filosofskij slovar'. 2-e izd. [A short philosophical dictionary]. 2nd ed. Moscow, Blok-Print Publ., 2023. 496 p. (In Russ.)

Nicshe, F. *Po tu storonu dobra i zla. Preludiya k filosofii budushchego* [Beyond good and evil. Prelude to the philosophy of the future]. Moscow, EKSMO-Press Publ., 2017. 160 p. (In Russ.)

Sabirov, V.Sh. Problema dobra i zla v hristianskoj etike [The Problem of Good and Evil in Christian Ethics]. In *Chelovek*, no. 5, 2001, pp. 125–135. (In Russ.)

Trishch, P.N. Ponyatie dobra v pravoponimanii [The concept of good in the legal understanding]. In *Zakonnost' i pravoporyadok v sovremennom obshchestve*, no. 32, 2016. , pp. 86–97. (In Russ.)

Flier, A.Ya. Dobro i zlo v kul'turno-istoricheskom ponimanii [Good and evil in the cultural and historical understanding]. In *Informacionnyj portal Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 3, 2015. URL: www.zpu-journal.ru/e-zpu/2015/3/Flier_Good-Evil/ (date of application: 29.04.2023). (In Russ.)

Flier, A.Ya. Kul'tura zla [The Culture of Evil]. In *Kul'tura kul'tury*, no. 2, 2023. URL: <http://cult-cult.ru/the-culture-of-evil/> (date of application: 29.04.2023). (In Russ.)

Shajo, A. *Samoogranichenie vlasti (Kratkij kurs konstitucionalizma)* [Self-restraint of Power (A Short course of Constitutionalism)]. Moskva, Yurist Publ., 2001. 292 p. (In Russ.)

An Act for the better ordering and governing of Negroes, 1661. In *Barbados Slave Code (1661–1667)*. URL: <https://slaverylawpower.org/barbados-side-dy-side/> (date of application: 29.04.2023).

Bundesverfassung der Schweizerischen Eidgenossenschaft vom 18/April 1999. URL: <https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/1999/404/de> (date of application: 29.04.2023). (In Germ.)

Constitución de la República de Honduras. URL: <https://www.tsc.gob.hn/leyes/177-constitucion-de-la-republica-de-honduras> (date of application: 29.04.2023). (In Spanish)

Hernández Galindo, J.G. El preambulo de la Constitución. 11 Mai 2016. In *Website Lavoz del Derecho*. URL: <https://www.lavozdelderecho.com/index.php/opinion/item/4091-punto-de-referencia-el-prembulo-de-la-constitucion-por-jose-gregorio-hernandez-galindo/> (date of application: 29.04.2023). (In Spanish)

Le Code noir Recueil d'édits, déclarations et arrêts concernant les esclaves nègres de l'Amérique de mars 1685. URL: <https://www.axl.cefan.ulaval.ca/amsudant/guyanefr1685.htm> (date of application: 29.04.2023). (In Spanish)

Martínez, O.P. Metarrelatos politicos: los preambulos. In *Reflexión política*, A. 20, no. 23, 2018, pp. 144–171. – URL: <https://revistas.unab.edu.co/index.php/reflexion/article/view/3300/2968> (date of application: 29.04.2023).

Mishra, A. *Interpretation of the preamble of the Constitution with recent cases*. March 29.2021. URL: <https://thelawcommunicants.com/interpretation-of-the-preamble-of-the-constitution-with-recent-cases/> (date of application: 29.04.2023).

Preamble: Doctrine and Practice. Website Cornell Law School. URL: <https://www.law.cornell.edu/constitution-conan/preamble-doctrine-and-practice> (date of application: 29.04.2023).

The Constitution of Kenya, 2010. Website Kenya Law. URL: www.kenyalaw.org/kl/index.php?id=398 (date of application: 29.04.2023).

The Constitution of Japan. Website Prime Minister of Japan and His Cabinet. URL: https://japan.kantei.go.jp/constitution_and_government_of_japan/constitution_e.html (date of application: 29.04.2023).

The U.S. Constitution preamble. Website: United States courts. URL: <https://uscourts.gov/about-federal-courts/educational-resources/about-educational-outreach/activity-resources/us> (date of application: 29.04.2023).